

В итоге они так и не смогли дойти до гостиницы вместе — Ци Хань потерял сознание.

С момента той ночи, когда у него началась аллергия, прошло два дня и две ночи. Его тело и разум были доведены до полного истощения.

Когда Фу Гэ уложил его в постель, то наконец заметил — всего за четыре дня Ци Хань похудел так сильно, что его лицо стало заострённым, черты — болезненно тонкими.

Температура взлетела до сорока градусов. Две капельницы не дали эффекта, жар не спадал, а холодный пот насквозь промочил одеяло, слой за слоем. Фу Гэ менял полотенца, без остановки прикладывал прохладные компрессы ко лбу, снижая температуру хоть каким-то способом.

Только к трём часам дня лихорадка начала отступать. Фу Гэ, наконец, выдохнул с облегчением, осторожно провёл пальцами по его лбу, разглаживая болезненно сжатые брови.

Но даже во сне тот не находил покоя. Бледные губы беспрестанно шевелились, что-то беззвучно шепча.

Фу Гэ наклонился ближе, вглядываясь в его лицо:

— Что?

Ци Хань вздрогнул, словно в бреду, губы дрогнули, пробормотали едва слышно:

— Не трогайте его... ещё не зажило.

Фу Гэ почувствовал, как сердце сжалось в болезненном спазме.

Ци Хань очнулся, когда уже стемнело.

Закатное солнце спряталось за горизонт, оставив в комнате лишь узкую полоску тёплого оранжевого света. Он легла на подушку, мягко освещая лицо Фу Гэ, который, свернувшись клубком, спал рядом.

Тонкие пальцы бессознательно сжимали край его рубашки, будто не желая отпустить.

Ци Хань замер.

Он неуверенно выдохнул, а затем прошептал:

— Малыш?

Рука дрогнула. Он ущипнул себя, дождавшись вспышки боли, и только тогда осмелился протянуть палец, осторожно коснуться тёплой щеки.

— Как это ты тут заснул? Я же весь мокрый от пота... тебе не противно?

Фу Гэ во сне недовольно сморщил носик, словно отгоняя раздражающую помеху.

Ци Хань не удержался — слегка провёл пальцем по его носу, улыбнулся.

— Выспался? Можно тебя будить?

Маленький бета сонно потянулся, но вместо ответа лишь схватил его руку, прижал к своей щеке.

— Не-е-ет... — голос был ленивым, с хрипотцой. — Хочу спать...

Ци Хань чувствовал, как грудь разливается сладким теплом. Он медленно, осторожно обнял его со спины, уткнулся губами в шею.

Но в следующий миг Фу Гэ пробормотал, почти неслышно:

— Джома... не мешай...

Ци Хань застыл, словно в него вонзили острый нож.

— Она... она тоже тебя так обнимала?

Я ведь отдал вам этот медовый месяц... я же добился его для себя с таким трудом, а потом просто отдал вам...

Ци Хань закрыл глаза, втянул воздух дрожащими губами. Он выдернул свою руку из пальцев Фу Гэ, поднялся и, не раздумывая, направился в ванную.

Жар не прошёл, слабость ломала тело, но он всё равно встал под ледяной душ. Вода била по коже, смывая с него пот и остатки чужого тепла.

Он вытерся, оделся, на автомате надел пластырь на железу и залил себя блокатором. Запах его феромонов должен исчезнуть.

Фу Гэ терпеть не мог этот запах. Он говорил, что ему от него хочется блевать.

Оставалось всего несколько часов до его рейса. Он медленно прошёлся по комнате, проверяя, всё ли в порядке.

Электрочайник он отодвинул подальше от розетки, тщательно вытер пол в ванной сухим полотенцем, чтобы не осталось ни капли влаги, оба зонта повесил у двери и прикрепил стикер с напоминанием взять их с собой — прогноз обещал снег.

Когда всё было сделано, Ци Хань тихо вышел за дверь и отправился в больницу.

Фу Гэ спал глубоко, впервые за четыре дня без кошмаров. Когда он проснулся, липкая испарина на коже исчезла, простыни и одеяло были сухими, а тепло от электрогрелки мягко окутывало тело. Он лениво прикрыл глаза, не желая шевелиться, наслаждаясь этим редким моментом комфорта, пока вдруг не почувствовал, как за его спиной кто-то откинул одеяло и запустил руку в пояс брюк.

— Кто?! — Он резко очнулся, перевернулся и сжал чужую руку.

— А Хань... Что ты делаешь?

Ци Хань даже не попытался освободиться, только рефлекторно сжал пальцы, словно пряча что-то в ладони.

— Ничего, — голос его был ровным, почти спокойным, — просто хотел посмотреть, хорошо ли ты спал.

Фу Гэ заставил его разжать кулак. На раскрытой ладони лежала знакомая тюбика — мазь от отёков.

Пять лет назад, когда они только начали жить вместе, Ци Хань в постели часто не мог контролировать себя, и восемь раз из десяти Фу Гэ оказывался с воспалением. Его кожа была слишком чувствительной, раздражалась от большинства лекарств, но именно эта мазь помогала лучше всего.

Значит, Ци Хань привёз её с собой.

Спрятал в углу чемодана, среди вещей, словно заранее готовился, что ему придётся её использовать.

Наверное, он думал — а вдруг Фу Гэ смилуется, вдруг разрешит хотя бы раз, всего один-единственный раз? Даже если бы это случилось, он должен был быть готов, чтобы его

маленькому бете не было больно.

Вот только он даже представить не мог, что эта мазь в итоге понадобится после того, как Фу Гэ переспит с другим альфой.

Насколько же нужно сломаться, чтобы дойти до такого самоунижения? Сколько раз его гордость перемалывали в пыль, раз за разом разрушая всё, что составляло его суть?

Ци Хань опустил голову, голос дрогнул:

— Тебе... больно?

Фу Гэ отвернулся.

— Нет.

— Хорошо, — он кивнул. — Если бы было больно, ты бы не смог ездить верхом в ближайшие дни.

Это было даже не смешно. Абсурдное, жалкое проявление заботы.

Он закрыл мазь, убрал её в сторону, затем достал блистер капсул и поставил на тумбочку.

— Я заказал тебе рисовую кашу, скоро привезут. Как поешь, выпей две таблетки. Это противовоспалительное. Врачи, которые знают твой анамнез, сейчас недоступны. Если начнётся воспаление, будет плохо.

Фу Гэ молчал, выжидая, словно намеренно проверяя, до какой степени Ци Хань готов унизиться.

— Ты не хочешь ничего спросить? — с нарочитой дерзостью бросил он, желая разжечь в нём злость.

Ци Хань даже не поднял головы, но костяшки пальцев, сжимающих тюбик мази, побелели. Он боролся с собой, заставляя губы разжаться, и, наконец, спросил:

— Она... вошла внутрь?

— Да, вошла.

Фу Гэ с холодной уверенностью ожидал, что эти слова сведут Ци Ханя с ума.

Высокоранговые альфы, ведомые звериными инстинктами, не способны терпеть, когда их партнёра метит кто-то другой. Узнать, что в нём остались следы чужого присутствия, должны были разорвать его на части, стереть остатки здравого рассудка.

Фу Гэ уже готовился к вспышке ярости. Но вместо этого услышал лишь хриплый, отстранённый звук:

— Мм.

Ци Хань кивнул, как будто его ответ не задел. Как будто ничего не случилось. А потом вытащил из кармана пузырёк с бледно-розовой жидкостью и протянул его ему.

— Я консультировался с врачом... — голос был ровным, спокойным, даже немного ласковым. — Если внутрь попадает чужой феромон, он может вызвать сбой. Лучше будет ввести дополнительную дозу, чтобы стабилизировать среду.

Фу Гэ почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Ты... ты что сказал?

— Значит, ты только что... сдал феромоны?

— Мм, — ответил Ци Хань так, словно это было чем-то обыденным. — Тутюшние врачи не слишком опытные в этом, за два часа набрали всего лишь немного, может не хватить.

Фу Гэ прекрасно знал, насколько болезненной была для него даже стандартная пятнадцатиминутная процедура. Но Ци Хань выглядел так, будто его это совсем не беспокоило. Он лишь скользнул пальцами по кончикам его дрожащих рук и сказал:

— Я сам не смог бы держать шприц ровно, так что попросил врача поставить капельницу. Он сейчас снаружи, ты можешь пройти к нему. А я... не останусь. Надо успеть на рейс.

Он сделал шаг назад, едва заметно качнувшись, и развернулся к двери.

Фу Гэ смотрел, как его силуэт медленно удаляется, растворяется в пустоте, становясь тенью, растянутой потерянностью и отчаянием.

— Подожди... Ци Хань... Ци Хань, стой!

Он сорвался с постели, догнал его, схватил за запястье. Каждое слово он выговаривал отчётливо, почти выкрикивая:

— Я не был с ней. Между нами ничего не было.

Ци Хань не двигался, не реагировал. Фу Гэ стиснул губы.

— Ты мне не веришь, да?

Ци Хань не ответил. Тогда Фу Гэ разжал пальцы, его лицо вспыхнуло от смущения, но он не отступил.

Руки дрожали, но он расстегнул молнию на брюках, схватил ладонь альфы и, покраснев до кончиков ушей, притянул её туда, где кожа была горячей и чувствительной.

— Ты знаешь моё тело лучше, чем я сам, — его голос был прерывистым, но он не отводил взгляда. — Если бы я был с кем-то... ты бы это понял.

Он замер, дыхание сбилось.

Ци Хань смотрел на него широко раскрытыми глазами, и вдруг, прежде чем успел хоть что-то сказать, из его глаз одна за другой потекли слёзы.

Фу Гэ задохнулся, его губы дрожали.

— Ты... правда думал, что я...

Ци Хань не мог говорить. Его губы беззвучно шевельнулись, составляя один-единственный вопрос:

«Правда?»

Фу Гэ кивнул.

— Да...

— Маленький Гэ... ты всё ещё мой?

Фу Гэ закрыл глаза, дрожащим голосом прошептал:

— Да...

Руки альфы легли ему на плечи, пальцы сжались. В голосе Ци Ханя было столько неуверенности, что он почти задышался от собственных чувств:

— Можно... обнять тебя?

Фу Гэ кивнул, его веки опустились, голос прозвучал тихо, но твёрдо:

— Да...

Четвёртый день медового месяца. В Литане пошёл снег.

Ци Хань осуществил своё пятое желание — то, о котором боялся даже подумать вслух.

Они никуда не пошли, ничего особенного не делали — просто валялись в тесной гостиничной кровати, разговаривали, смотрели глупые видео, долго-долго обнимались.

В комнате было темно, только тепло от кондиционера и электрического одеяла согревало их спины. Фу Гэ, устроившись у него на руке, через оконное стекло наблюдал, как под светом фонарей медленно кружатся снежинки.

— Я сделал тебе подарок.

Ци Хань вытащил из кармана небольшой самодельный браслет — узел белого хада с нанизанным на неё серебряным молитвенным барабаном.

На этом барабане было запечатлено всё, что он твердил себе на заснеженных склонах. Его бесконечные молитвы.

— Не очень красиво получилось... — он хрипло усмехнулся.

Фу Гэ тихо кивнул, позволил ему надеть браслет на запястье.

— Ты тоже ходил в горы молиться?

— Да.

— Когда?

— Вчера ночью.

Фу Гэ невольно дёрнул пальцами. Прошлой ночью он смотрел фильмы с Джомой.

— Я слышал, что такие хада делают парными, — пробормотал он. — Говорят, снежные горы благословляют сразу двоих. Ты сделал браслет и для себя?

Ци Хань улыбнулся.

— Мне не нужен.

Фу Гэ спросил, о чём он молился. Ци Хань небрежно пробормотал пару заученных пожеланий, а затем усмехнулся:

— Смешно, правда? Мой отец был учёным, а я вот — суеверный идиот, который взывает к горам.

— Ничего страшного, — тихо сказал Фу Гэ. — Если снежные горы тебе не помогут... я помогу.

Ци Хань вздрогнул.

— Что?..

Фу Гэ глубоко вдохнул и, не встречаясь с ним взглядом, ровно произнёс:

— Я сказал, что, возможно, смогу исполнить одно твоё желание. Кроме свадьбы. Чего ещё ты хочешь?

Ци Хань закрыл глаза. Это что, последняя милость перед казнью?

Он медленно прижался губами к его макушке, вдыхая этот дорогой сердцу запах. Желаний у него не осталось, только одна глупая, крошечная просьба.

Если однажды всё-таки придёт тот день, если ему позволят хоть на секунду стать бесполезным грузом в чьих-то руках, если Фу Гэ вдруг захочет похоронить его... пусть зароет подальше.

Пусть так далеко, чтобы не видеть, не вспоминать, не чувствовать ни капли привязанности.

Чтобы Фу Гэ больше никогда не жалел. Чтобы, чего бы ни стоило это прощание, оно не оставило в его жизни ни малейшего следа.

— Хочу хада. Какого угодно цвета.

<http://bllate.org/book/14453/1278344>